

В. ВОРОПАЕВ

От чего умер Гоголь

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя доныне являются предметом размышлений для биографов. Перед исследователями стоит задача: на основании достоверных фактов восстановить как можно полнее картину последних дней жизни Гоголя, постараться дать ответ на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно.

От чего умер Гоголь? Вот вопрос, многими исследовавшийся, но доныне не решенный, так как к нему почти всегда подходили предвзято, нарочито исключая духовный подход (а ведь говорят «конец — делу венец», — и кончина человека часто открывает настоящий смысл его жизни). Но и попытка рассмотреть этот вопрос с духовной точки зрения оказалась, как мы увидим, неудачной, о чем и пойдет речь ниже.

Если говорить о медицинском диагнозе, то и на этот счет специалисты до сих пор не имеют единого мнения. Многие современники Гоголя, в том числе и близкие к нему, полагали, что умер он вследствие душевной болезни. Причем признаки таковой они усматривали задолго до его кончины. Позднее, в двадцатом столетии, отечественные психиатры (Н. Баженов, В. Чиж, Г. Сегалин, И. Галант, А. Личко) на основании печатных материалов пытались научно обосновать именно это мнение. Однако научного ответа в настоящем смысле они дать не могли, так как имели весьма поверхностное понятие о духовно-религиозном устройении Гоголя. Справедливости ради заметим, что многие современные нам литературоведы не считают, что Гоголь скончался от умственного расстройства. Вместе с тем проблема остается дискуссионной,

и время от времени вопрос о душевной болезни Гоголя поднимается вновь.

Уже в наше время ученый с мировым именем профессор Дмитрий Евгеньевич Мелехов (1899–1979) сделал попытку решить этот вопрос с учетом христианского — православного подхода к подобным недугам. В своем неоконченном труде «Психиатрия и проблемы духовной жизни», предназначенном для студентов Духовных академий и священников, одну из глав он посвятил Гоголю*. Она была помещена в «Настольной книге священнослужителя» (Том 8-й. Пастырское богословие), изданной в 1988 году. Этот том лежит на столах у священников, которые иногда по нему и отвечают вопрошающим их о Гоголе. Но правильного ответа по этой книге (и тем самым по труду Д. Мелехова) дать нельзя. Обратимся к работе ученого-психиатра, цитируя ее по «Настольной книге...».

«Болезнь Гоголя, — пишет он, — не была распознана, вследствие чего он получал неправильное лечение... Больной умер от тяжелого истощения с нарушением обмена веществ, бредом греховности, самоуничужения, с упорным отказом от пищи, полной двигательной и умственной заторможенностью...» (с. 317). Мелехов насчитывает у Гоголя девять приступов болезни. Не будем разбирать всех его доводов. Приведем пример, свидетельствующий о степени достоверности предлагаемого диагноза. «Приступ 1846 года, — констатирует он. — Состояние настолько тяжелое, что повеситься или утопиться кажется ему (Гоголю — В.В.) единственным выходом. «Молитесь, друг мой, да не оставит меня Бог в минуты невыносимой скорби и уныния» (с. 318).

Здесь речь идет, во-первых, о письме Гоголя к Петру Александровичу Плетневу от 20 февраля н. ст. 1846 года, где он, в частности, говорит: «...весь минувший год так был тяжел, что я дивлюсь теперь, как вынес его. Болезненные состояния до такой степени (в конце прошлого года и даже в начале нынешнего) были невыносимы, что повеситься или утопиться казалось как бы похожим на какое-то лекарство и облегчение. А между тем Бог так был милостив ко мне в это время, как никогда дотоле. Как ни страдало

* См.: Мелехов Д.Я., проф. Психиатрия и проблемы духовной жизни // Русское возрождение. Нью-Йорк — Париж — Москва. 1989. № 46; 47–48; 1990. № 49. Раздел о Гоголе недавно был перепечатан с небольшими сокращениями в газете «Медицинский вестник» (1994. № 2) под названием «Скорбный лист Николая Гоголя».

мое тело, как ни тяжела была моя болезнь телесная, душа моя была здорова...» Во-вторых, неточно приведенная проф. Д. Мелеховым цитата взята из письма Гоголя к Надежде Николаевне Шереметевой от 5 июня н. ст. 1845 года, в котором он пишет: «Молитесь, друг мой, обо мне. Ваши молитвы мне нужны были всегда, а теперь нужнее, чем когда-либо прежде. Здоровье мое плохо совершенно, силы мои гаснут; от врачей и от (их) искусства я не жду уже никакой помощи, ибо это физически невозможно; но от Бога все возможно. <...> Я слишком знаю, что нельзя зажечь уже светильника, если не стало масла. Но знаю, что есть сила, которая и в мертвом воздвигнет дух жизни, если восхочет, и что молитва угодных Богу душ велика перед Богом. Молитесь, друг мой, да не оставляет меня в минутах невыносимой скорби и унынья...».

На основании этих данных ученый приходит к заключению о наличии у Гоголя состояний «депрессии с унынием, с греховными мыслями о самоубийстве, с безнадежностью...» и тому подобным (С. 318–319). Такой вывод очень напоминает диагноз врачей, лечивших Гоголя, сделанный на основании его литературных занятий, якобы «религиозного убеждения морить себя голодом», а также неприветливости приема докторов*.

Разумеется, в подобном взгляде на это дело нет ничего нового. Еще Н. Бажанов писал (на основании того же письма к Плетневу), что в начале 1846 года под влиянием психопатических ощущений апатии, тоски и уныния у Гоголя возникает мысль о самоубийстве**.

Как мы знаем, 1845 год был очень трудным для Гоголя. Летом этого года он сжег первую редакцию второго тома «Мертвых душ» и даже написал завещание, опубликованное впоследствии в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Да и вообще в середине 1840-х годов он много болел. Бывали у него периоды тоски и уныния. Но боролся с ними Гоголь именно как истинный христианин — духовными средствами — и возлагал все надежды свои на Господа. 25 июля н. ст. 1845 года он писал Александре Осиповне Смирновой: «Крестом сложивши руки и подняв глаза к Нему,

* См.: Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. Изд. 2-е. М., 1902. С. 26.

** См.: Баженов Н. Болезнь и смерть Гоголя / Публичное чтение в Годичном заседании Московского Общества невропатологов и психиатров. М., 1902. С. 18.

будем ежеминутно говорить: “Да будет воля Твоя” и все примем, благословляя и самую тоску, и скуку, и тяжкую болезнь».

Выводы, которые Гоголь вынес из своих недугов, были прямо противоположны тем, которые сделали за него ученые-медики: не отчаяние, не мысли о самоубийстве, а духовное смирение, упование на волю Божию. В статье «Значение болезней» (1846) он писал, обращаясь к графу Александру Петровичу Толстому: «Часто бывает так тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всем составе тела, что рад бываешь, как Бог знает чему, когда, наконец, оканчивается день и доберешься до постели. Часто, в душевном бессилии восклицаешь: Боже! где же, наконец, берег всего? Но потом, когда оглянется на самого себя и посмотрит глубже себя внутрь — ничего уже не издает душа, кроме одних слез и благодарения. О! как нужны нам недуги! Из множества польз, которые я уже извлек из них, скажу вам только одну: ныне каков я ни есть, но я все же стал лучше, нежели был прежде; не будь этих недугов, я бы задумал, что стал уже таким, каким мне следует быть... Не будь тяжких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся! каким бы значительным человеком вообразил себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоске, что недуг может остановить вдруг тот труд мой, на котором основана вся моя значительность, и та польза, которую так желает принести душа моя, останется в одном бессильном желании, а не в исполнении, и не дам я никаких процентов на данные мне Богом таланты, и буду осужден, как последний из преступников... Слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу слов, как благодарить небесного Промыслителя за мою болезнь. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря, вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла».

Так Гоголь смотрел на значение болезней. А как он относился к греху самоубийства? Об этом есть прямое свидетельство в одесском дневнике Екатерины Александровны Хитрово. 27 января 1851 года она записала слова Гоголя, сказанные им по поводу евангельского стиха: «Претерпевый же до конца, той спасется» (Мф 24, 13; 10, 22; Мк 13, 13). Екатерина Александровна сказала: «Замечательный стих, единственный, который против самоубийства», на что Гоголь ответил: «Это такой нелепый грех, что невозможно было Христу о нем говорить. К чему?»*.

* Хитрово Б.А. Гоголь в Одессе. 1850–1851 // Русский архив. 1902. № 3. С. 552.

В уразумении смысла и значения скорбей и страданий Гоголю помогали творения святых отцов и учителей Церкви. По сути, в его письмах и в статье излагается общая для христианских писателей мысль о созидательной силе болезней и страданий в духовном возрождении человека.

Гоголь верил в целительную силу молитвы и, повторим, все свои надежды возлагал на помощь Божию. В том же 1845 году, в мае, он просит графа Толстого заказать молебен о своем выздоровлении: «Прошу вас просить нашего доброго священника в Париже (протоиерея отца Димитрия Вершинского. — *В.В.*) отправить молебен о моем выздоровлении». И прибавляет: «Отправьте также молебен о вашем собственном выздоровлении. Бог да хранит вас». О том же Гоголь просит и Смирнову (в письме от 15 июля н. ст. 1845 года). Биограф Гоголя Владимир Иванович Шенрок рассказывает со слов его родственников, что однажды в 1848 году, гостя у своих в Васильевке, Гоголь куда-то выехал из деревни, но вдруг уже в половине пути что-то вспомнил и вернулся домой. По возвращении он тотчас заказал в Церкви молебен о здравии болящей рабы Божией Александры и сейчас же снова отправился в путь. Родные догадались, что он молился за Смирнову*.

Известно, что Гоголь не отказывался лечиться (Церковь благословляет обращаться к докторам при необходимости) и лечился за границей на водах не раз. Однако он знал цену докторам. «Но велик Бог, и природа человека еще такая тайна, которая ускользает далеко во многом от глаза докторов, — писал он Василию Андреевичу Жуковскому 24 июля н. ст. 1845 года из Карлсбада. — А потому все клонится к тому, что во время лечения еще крепче и сильнее нужно молиться Богу».

Еще один пример. «В 1848 году, — пишет проф. Д. Мелехов, — перед поездкой в Палестину, письма (Гоголя — *В.В.*) еще отражают сопротивление и борьбу с наступающим приступом болезни. Он рассылает друзьям составленную им молитву с просьбой молиться о нем по этой записочке, «сверх того, что находится в общих молебнах». Приведем фрагмент этой молитвы: «...душу же его исполни благодатных мыслей во все время дороги его. Удали от него духа колебания (у Гоголя: колебаний. — *В.В.*), духа помыслов мятежных и волнуемых, духа суеверия, пустых примет и малодушных предчувствий, ничтожного духа робости и боязни» (С. 318).

* См.: Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 239.

В данном случае имеется в виду молитва, посланная Гоголем в письме к Шереметевой от 12 января н. ст. 1845 года из Неаполя за неделю до его отъезда в Иерусалим. Другую редакцию этой молитвы Гоголь послал через три дня матери в Васильевку. «Прошу вас отправить молебен — писал он, — и, если можно, даже не один (во всех местах, где умеют лучше молиться), о благополучном моем путешествии. Чувствую, что нет сил помолиться самому: силы мои как бы ослабели, сердце черство, малодушна душа... Соедините ваши моления и помогите воскреситься к Богу моей молитве. <...> Прилагаю здесь, на всякий случай, на особенной бумажке содержание того, о чем бы я хотел, чтобы священник, сверх содержимого в обыкновенных молебнах, молился».

В письмах Гоголя этой поры и в составленной им молитве ученый усматривает следы его борьбы с душевным недугом, приближающимся приступом. И в этом тоже следует своим предшественникам. Баженов, например, видел в этой молитве полный список всех признаков «психиоза» Гоголя, как будто взятых из современного курса психиатрии *. Между тем эта молитва состоит из самых обычных молитвенных выражений с прибавлением прошения об удалении духа боязни, совершенно естественного для человека, отправляющегося в такое далекое и трудное путешествие. Известно также, что Гоголь опасался умереть от морской болезни, от которой всегда страдал. Вследствие этого он, по его словам, и поместил в книге «Выбранные места...» свое завещание, чтобы в случае его смерти, если бы она застигла его на пути, «возымело оно тотчас свою законную силу» как засвидетельствованное всеми его читателями.

В письме из Неаполя от 7 декабря н. ст. 1847 года Гоголь признавался Михаилу Петровичу Погодину: «...замирает малодушный дух мой при одной мысли о том, какой длинный мне предстоит переезд, и все почти морем, которого я не в силах выносить и от которого страдаю ужасно». Оттуда же он писал и Шереметевой: «Отравляться мне приходится во время, когда на море бывают непогоды, а я бываю сильно болен морскою болезнью даже и во время малейшего колебанья». Опасения Гоголя не были напрасными. Прибыв на Мальту, он сообщал графу Толстому 22 января н. ст. 1848 года: «Рвало меня таким образом, что все до едина возымели о мне жалость...»; и на следующий день графине Анне Михайловне

* См.: Баженов Н. Болезнь и смерть Гоголя. С. 7.

Виельгорской: «Если бы еще такого адского состояния были одни сутки, меня бы не было на свете».

Обратимся теперь к последним дням жизни Гоголя в трактовке проф. Д. Мелехова. «Последний приступ болезни, от которого Гоголь погиб, — пишет он, — протекал злокачественно, на фоне нарастающего аффекта с бредовыми идеями самообвинения и гибели... прогрессирующим истощением и с полным отказом от пищи... Он десять дней лежит в напряженной позе в постели, не говоря ни с кем до самой смерти (наступившей вследствие бурно нарастающего истощения)» (С. 318).

Мы видим, как ученый-психиатр, основываясь на недостоверных сведениях из третьих рук, повторяет расхожее мнение, будто бы Гоголь в болезненном состоянии уморил себя голодом. Между тем доктор Алексей Терентьевич Тарасенков, наблюдавший Гоголя непосредственно во время его предсмертной болезни, свидетельствует (и другие мемуаристы это подтверждают), что Гоголь не принимал пищи только последние три дня, и только за три дня до кончины он слег в постель, а настоящий бред и внезапное падение сил показались лишь за несколько часов перед смертью*. Напомним, что 11 февраля (за десять дней до смерти Гоголя) начался Великий Пост, первая неделя которого отличается особой строгостью, когда до среды пищу почти не вкушали, а сильные оставались без нее до субботы. Со слов графа Толстого известно, что начиная с понедельника первой седмицы, Гоголь принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером — кашу, саго или чернослив**, — то есть как болящий позволил себе послабление. По словам современника, Гоголь «постился иногда, как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел»***.

Фельдшер А. Зайцев, принимавший участие в лечении Гоголя, вспоминал, что в эти дни беседовал с ним о литературе, и тот даже поправил его стихотворение, сказав на прощанье: «Читай больше, друг мой»****.

* См.: Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 18.

** См.: копию с некрологической статьи М. П. Погодина «Кончина Гоголя» с пометами автора, графа А. П. Толстого, А. С. Хомякова и С. П. Шевырева, хранящуюся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 3).

*** Гоголь в воспоминаниях современников. Без м. изд., 1952. С. 481.

**** См.: Воронаев В. Из воспоминаний очевидца о смерти Гоголя // Лит. Россия. 1994. 4 марта.

По словам Д. Мелехова, в последнем приступе «было уже полное господство бреда греховности, самоуничтожения, потери веры в возможность прощения» (С. 319). Между тем Гоголь перед смертью дважды исповедался и приобщился Святых Тайн, а также был соборован елеем. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, в присутствии всех умственных сил своих, с сокрушением полного молитвой сердца, с теплыми слезами» *. Для исполнения этих треб приходил отец Иоанн Никольский, настоятель церкви Преподобного Саввы Освященного, что на Девичьем поле. Он был с 1842 года духовником писателя. В последние дни рядом с умирающим был и отец Алексей Соколов, священник церкви Преподобного Симеона Столпника, к приходу которого относился дом графа Толстого и которую часто посещал Гоголь. Само собой разумеется, что эти священники беседовали с Гоголем.

Современники свидетельствуют, что перед смертью Гоголь не обнаружил никаких признаков умственного расстройства. Доктор Тарасенков рассказывает, что когда граф Толстой для отвлечения начинал говорить с ним о предметах, которые были ему весьма близки и которые не могли не занимать его прежде, Гоголь возражал с благоговейным изумлением: «Что это вы говорите! Можно ли рассуждать об этих вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте!» **.

За три дня до кончины Гоголя его посетил Московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист. Он и еще несколько друзей находились в комнате, где, отвернувшись лицом к стене, лежал Гоголь. В руках у него были четки. Из неосторожного разговора присутствующих он ясно мог понять, что они считают его в не в своем уме. В эту минуту Гоголь обернулся и сказал Капнисту: «У вас в канцелярии десять лет служит на одном месте чиновник, честный, скромный и толковый труженик, и нет ему ходу и никакой награды; обратите внимание на это, ваше превосходительство, хотя бы в мою память» (этим чиновником был сын священника Иоанна Никольского, духовника Гоголя)***.

* Шенрок В. И. Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о последних днях и смерти Гоголя // Русская старина. 1902. № 5. С. 444.

** Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 20.

*** См.: Воропаев В. «Меня очень занимал Гоголь...» Из «Записок» В. О. Шервуда // Собеседник. Литературно-критический ежегодник. М., 1987. С. 280; Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 24.

Точно так же, в духе расхожих — и уводящих далеко от правды — представлений, судит Мелехов и о взаимоотношениях Гоголя с его духовным отцом — ржевским протоиереем Матфеем Константиновским. «Его духовный руководитель, — пишет ученый, — не принимая во внимание состояние больного, предъявлял к нему строго аскетические требования <...> советовал бросить все и идти в монастырь, а во время последнего приступа привел Гоголя в ужас угрозами загробной кары...» (С. 317–319).

Подобные утверждения основаны на уже сложившемся в гоголедоведении предвзятом отношении к фактам, в частности, ложно истолкованном письме Гоголя к отцу Матфею от 24 сентября н. ст. 1847 года. Здесь Гоголь говорит: «Не знаю, сброшу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божия... Если бы я знал, что на каком-нибудь другом поприще могу действовать лучше во спасенье души моей и во исполнение всего того, что должно мне исполнить, чем на этом, я бы перешел на то поприще. Если бы я узнал, что я могу в монастыре уйти от мира, я бы пошел в монастырь. Но и в монастыре тот же мир окружает нас...»

Эти слова Гоголя историк Николай Платонович Барсуков понял в том смысле, что отец Матфей «*советует Гоголю бросить имя литератора и идти в монастырь*»*. Однако монашеские устремления возникли у Гоголя задолго до знакомства с отцом Матфеем. Летом 1845 года он даже предпринял попытку оставить литературное поприще и постричься в монахи (отзвуком этого события и явились строки о монастыре в письме к отцу Матфею).

Впоследствии слова, выделенные Барсуковым курсивом, стали брать в кавычки, неправомерно расценивая их как документальное свидетельство. На самом деле отец Матфей советовал Гоголю другое: «слушаться Духа, в нас живущего, а не земной телесности нашей... оставивши все хлопоты и вещи мира... поворотить во внутреннюю жизнь; читать Евангелие святых отцов» (Из письма Гоголя к графу Толстому от середины августа н. ст. 1847 года).

Последняя встреча Гоголя с отцом Матфеем состоялась в конце января — начале февраля 1852 года в Москве в доме графа Толстого на Никитском бульваре. Беседы со священником произвели большое впечатление на Гоголя. Подробности этих разговоров нам неизвестны, но их содержание отчасти передано доктором Тарасенковым и протоиереем Феодором Образцовым. Отец Матфей напомнил

* Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 571.

Гоголю о греховности человека, об ответственности людей за свои действия и слова перед Богом, о необходимости строгого соблюдения поста: «Слабость тела не может нас удерживать от пощения: какая у нас забота? для чего нам нужны силы?.. Много званых, мало избранных <...>. Мы отдадим отчет за всякое слово праздное» *.

«Несмотря на то, что Гоголь так любил духовные беседы и сам искал строгих наставлений, — пишет Тарасенков, — разговоры этого духовного лица, о котором он имел по справедливости самое высокое понятие, так сильно потрясали его, что он однажды, не владея собою, прервал его речь и сказал ему: «Довольно, оставьте, не могу долее слушать, слишком страшно».

Заметим, что доктор Тарасенков не был участником разговоров отца Матфея с Гоголем и писал главным образом со слов графа Толстого. Можно догадываться, что речь, помимо прочего, касалась и темы Страшного Суда. Но у Тарасенкова нигде не сказано, что священник предъявлял Гоголю чрезмерные требования. Да этого и быть не могло. Будучи опытным пастырем, отец Матфей прекрасно понимал, что человек в духовной жизни поднимается как бы по ступеням лестницы. В своем последнем письме к Гоголю (единственном дошедшем до нас) он говорит: «Человек может и должен расти в вере и благочестии, но постепенно» **.

Во время своей последней встречи с Гоголем отец Матфей исполнял свои священнические обязанности. Как духовный отец писателя, он заботился о его вечном спасении. Более того, будучи, по свидетельству многих прозорливцем, он, по всей видимости, предвидел смерть Гоголя и старался приготовить его к ней. Именно после отъезда отца Матфея Гоголь начинает говеть. Нет никаких оснований утверждать, как это делает проф. Д. Мелехов, что отец Матфей «ошибочно толковал болезнь Гоголя в ложном духовно-мистическом аспекте» (С. 219). Известно, что умер Гоголь в состоянии духовного просветления. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» ***.

Нередко можно встретить утверждение, что Гоголь жег рукописи в состоянии глубокого уныния. По словам Мелехова, сожжение второго тома было «совершено во время глубокой депрессии с болезненным сознанием своей виновности и греховности

* Тарасенков А. Т. Последние дни жизни Н. В. Гоголя. С. 15.

** Дурьлин С. Неизданное письмо о. Матфея к Гоголю // Весы. 1909. № 4. С. 65.

*** Шенрок В. И. Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой. С. 445.

своего творчества» (С. 317). В опровержение подобного мнения можно привести слова отца Матфея: «Говорят даже, что Гоголь сжег свои творения потому, что считал их греховными?» — «Едва ли, — в недоумении сказал о. Матфей, — едва ли...» Он как будто в первый раз слышал такое предположение. «Гоголь сожег, но не все тетради сожег, которые были под руками, и сожег потому, что считал их слабыми» *.

Среди тех, кто знал Гоголя, отец Матфей, по-видимому, понимал его лучше всех. «С ним повторилось обыкновенное явление нашей русской жизни, — говорил он. — Наша русская жизнь немало имеет примеров того, что сильные натуры, наскучивши суетой мирской или находя себя неспособными к прежней широкой деятельности, покидали все и уходили в монастырь искать внутреннего умиротворения и очищения своей совести. <...> Так было и с Гоголем. Он прежде говорил, что ему “нужен душевный монастырь”, а пред смертью он еще сильнее пожелал его» **. В этой связи вспомним слова о Гоголе, сказанные его старшим другом Жуковским: «Настоящее его призвание было монашество. Я уверен, что если бы он не начал свои “Мертвые души”, которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он давно бы стал монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой душа его дышала бы легко и свободно» ***.

* Феодор Образцов, прот. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 139.

** Там же. С. 137–138.

*** Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 732.